

указаний, которые облегчали бы определение отношения этого произведения к Несторову Чтению. Принимаемое до сих пор как аксиома утверждение Д. В. Айналова об утерянном Житии Бориса и Глеба — первоисточнике сохранившихся произведений является прежде всего результатом ошибочного применения ретроспективного метода. Ни серия миниатюр анонимного Сказания в Сильвестровском сборнике XIV в. и более поздних списках, ни памятники станковой живописи, в том числе житийная икона XIV в., не отражают уже начального момента возникновения и формирования иконографии Бориса и Глеба. В течение с лишним двух столетий ее предшествовавшего развития первоначальная серия, если она и была построена на материале исключительно одного литературного произведения, не могла не подвергнуться влияниям со стороны, стремлению художника засвидетельствовать свою начитанность, воздействию и слиянию неоднородных и разновременных систем художественного выражения. Если, однако, первоначальный цикл миниатюр мог быть сюжетно связанным только с иллюстрируемым произведением, то иконописание изначально могло черпать и черпало сюжетную основу для своих композиций из чтения не только одного произведения, хотя бы такого популярного, как анонимное Сказание, но подвергалось воздействию всей литературы, посвященной братьям-мученикам. Достаточно сравнить серии четырех древнейших житийных икон св. Николая XIV в., чтобы убедиться, что ни одна из них не верна исключительно одной из нескольких известных на Руси версий Жития этого святого.⁷⁹ Поэтому-то применение к станковой живописи приемов Д. В. Айналова позволило более четко заметить их методическую ошибочность. Одновременно Э. С. Смирновой удалось с большой полнотой показать воздействие всех трех произведений о Борисе и Глебе на их житийные иконы. Результаты же исследования Д. В. Айналовым Сильвестровского сборника, поддержанные изучением А. В. Арциховским миниатюр Уваровского сборника, представляют интересные данные по истории древнерусской миниатюры вообще и иконографии Бориса и Глеба в особенности. Они устанавливают, что анонимное Сказание не впервые было снабжено иллюстрациями и если даже общий протограф, как показано выше, не выходит за пределы XIV в., то сохранные в рисунке все же кое-где архаизмы, присущие XII—XIII вв., указывают, что начало иллюминирования борисоглебской темы следует быть может, приписать именно этим столетиям. Присутствие в сюжетах миниатюр Сказания в лицевом списке начала XIV в. (протографе Сильвестровского и Уваровского списков) моментов, близких другим произведениям о Борисе и Глебе, являются свидетельством филиаций и перемен, которым подвергся первоначальный цикл прежде всего под влиянием житийной иконописи и тех серий миниатюр, которые сопутствовали летописному рассказу о Борисе и Глебе.

Из факта асинхронности серии миниатюр, доведенной до описания событий 1072 г. в протографе Сильвестровского и Уваровского списков, с его текстом, представляющим полную редакцию Сказания, завершаемую

⁷⁹ В. И. Антонова. Московская икона начала XIV в. из Киева и «Повесть о Николе Зарайском». — ТОДРА, т. XIII, М.—Л., 1957, стр. 375—392. Ср. также снимки и описания житийных икон Николы в Гос. Третьяковской галерее: В. И. Антонова, Н. Е. Мнева. Каталог, т. I, №№ 156, 172, 175, 182, 211, 214, 302; т. II, №№ 407, 452, 557. Характерно, что ни одна из серий изображений на этих житийных иконах не повторяется, хотя сюжетные и художественные воздействия очевидны. Ср. с текстами Жития у В. О. Ключевского (в кн.: В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 453—459); ВМЧ, под 6 декабря, стр. 589 и сл., 695 и сл.; Леонид, архим. Житие и чудеса св. Николая Мирликийского и похвала ему. — ПДП, № 34, СПб., 1881—1882.